

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-39-48
УДК 329(045)

Гражданский активизм молодежи России: структура ролей, факторы формирования установок, триггеры роста протестного потенциала*

Е. В. Бродовская^а, Р. В. Пырма^б, А. Ю. Домбровская^с

^{а, с} Финансовый университет, Москва, Россия; Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия;

^б Финансовый университет, Москва, Россия

^а <http://orcid.org/0000-0001-5549-8107>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-3413-4264>;

^с <http://orcid.org/0000-0002-2015-2349>

АННОТАЦИЯ

В условиях внешнего информационного давления и активизации внутренних внесистемных сил формируются условия для реализации эффекта «стоячей волны», при котором рост протестного потенциала достигает своего максимума и актуализируется под влиянием событий-триггеров. Среди таких событий особое место принадлежит электоральному циклу и транзиту власти. Коммуникационные и общественно-политические эффекты влияния цифровизации на процессы политической социализации и гражданского становления российской молодежи в настоящее время приобрели ярко выраженный характер. Во-первых, наблюдается более широкая, по сравнению с поколением родителей, вовлеченность молодых людей в гражданские и политические практики.

Во-вторых, фиксируется перенос молодыми россиянами гражданского и политического активизма в цифровое пространство. В-третьих, регистрируется высокая скорость переключения гражданской активности представителей молодого поколения в политические форматы, онлайн-стратегий – в реальные практики, конвенциональных форм активизма – в неконвенциональные формы [1]. Исходя из этого авторы статьи провели выявление закономерностей актуализации деструктивного потенциала гражданской активности молодежи в современной России с учетом онлайн-фактора.

Ключевые слова: гражданский активизм; молодежь; установка; структура ролей; факторы; события-триггеры; протестный потенциал; деструктивный потенциал; сценарий

Для цитирования: Бродовская Е. В., Пырма Р. В., Домбровская А. Ю. Гражданский активизм молодежи России: структура ролей, факторы формирования установок, триггеры роста протестного потенциала. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):39-48. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-39-48

ORIGINAL PAPER

Civil Activism of Youth in Russia: The Structure of Roles, the Formation of Attitudes Factors, Triggers of Protest Potential Growth**

E. V. Brodovskaya^а, R. V. Pyрма^б, A. Yu. Dombrovskaya^с

^{а, с} Financial University, Moscow, Russia; Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia;

^б Financial University, Moscow, Russia

^а <http://orcid.org/0000-0001-5549-8107>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-3413-4264>;

^с <http://orcid.org/0000-0002-2015-2349>

ABSTRACT

In conditions of external information pressure and activation of internal extra-systemic forces, conditions are formed for the implementation of the “standing wave” effect, in which the growth of the protest potential reaches its maximum and is actualized under the influence of trigger events. Among such events, a special place

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article is based on the results of the research carried out at the expense of budgetary funds on the state task of the Financial University.

© Бродовская Е. В., Пырма Р. В., Домбровская А. Ю., 2020

belongs to the electoral cycle and the transit of power. The communication and socio-political effects of the impact of digitalization on the processes of political socialization and civil formation of Russian youth have now become pronounced. First, there is a broader, in comparison with the generation of parents, the involvement of young people in civic and political practices. Second, the transfer of civic and political activism to the digital space by young Russians is recorded. Third, a high rate of switching of civic activism of representatives of the younger generation into political formats, online strategies – into real practices, conventional forms of activism – into unconventional forms is registered [1]. Based on this, the authors of the article identified patterns of actualization of the destructive potential of youth civic engagement in modern Russia, taking into account the online factor.

Keywords: civic activism; youth; attitude; role structure; factors; trigger events; protest potential; destructive potential; scenario

For citation: Brodovskaya E.V., Pyrma R.V., Dombrovskaya A. Yu. Civil activism of youth in Russia: The structure of roles, the formation of attitudes factors, triggers of protest potential growth. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):39-48. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-39-48

СТЕПЕНЬ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТАННОСТИ ПРОБЛЕМЫ

Исследования гражданского и политического активизма «выросли» из исследований социальных движений, где изучались широкие политические действия, приводящие к общественным трансформациям. В 1960-е гг. Л. Милбрат, рассматривая человека как единицу анализа, объяснил политическое участие гражданина с точки зрения деятельности с возрастающим уровнем усилий и приверженности. При этом он отмечал, что те граждане, которые находятся на более высоких уровнях, все еще участвуют в мероприятиях более низкого уровня, и что политическая активность является кумулятивной. Иерархия Л. Милбрата распределила 13 политических действий на три повышающихся уровня участия и снижающихся уровней участников: *зрительские действия* (самый низкий уровень усилий и приверженности и с наибольшим количеством участников), *переходные действия* (средний уровень) и *гладиаторские действия* (самый высокий уровень усилий и приверженности и с наименьшим количеством участников) [2, 3]. Иерархия политической активности Л. Милбрата наглядно показана на рисунке (рис. 1).

Примеры поведения зрителей низкого уровня включают ношение политических атрибутов (вышивок, шевронов, значков и др.), размещение знаков кампании во дворе и т. д. Переходная деятельность требует больше усилий, ее примерами являются участие в политическом митинге или демонстрации, оказание финансовой поддержки. Гладиаторская деятельность требует значительных усилий, таких как участие в организации политической партии, при-

ход к власти в процессе политической борьбы. Таким образом, Л. Милбрат обозначает путь возрастающего участия в политической жизни. В традиционном активизме деятельность зрителя требует наименьших усилий в принятии решений и избираемых действиях, небольшого количества времени и средств. Переходные действия ложатся большим бременем на участников, требуя больше интеллектуальных и физических усилий на пользу общего дела. Гладиаторские действия требуют наибольших личных усилий и привлечения ресурсов, погружения в политическую деятельность.

Исследователи отмечают, что с появлением цифровых технологий ландшафт социальных движений изменился [4]. Новые инструменты цифровых коммуникаций создают преимущества, проблемы и эффекты, которые стимулируют новые модели поведения и формы активности.

Д. Джордж и Д. Лейднер считают, что, по сравнению с традиционным активизмом, современный мир цифрового активизма является более широким, действенным и непосредственным. Они конструируют иерархию цифрового активизма, исходя из принципа приложения усилий и обладания ресурсами. В качестве основы для цифрового активизма ими используется расширенная иерархия политического участия Л. Милбрата, которая подразделяет активность на зрительскую, переходную и гладиаторскую деятельность (рис. 2).

Исследователи выделяют как сходства, так и различия между иерархией Л. Милбрата и иерархией цифрового активизма. Во-первых, обе структуры иллюстрируют большое количество пассивных действий на зритель-

Рис. 1 / Fig. 1. Модель иерархии политического участия Л. Милбрата / Model of the hierarchy of political participation by L. Milbrath

Источник / Source: составлено по [3] / compiled by [3].

Рис. 2 / Fig. 2. Взаимодействие традиционного и цифрового активизма / Interaction of traditional and digital activism

Источник / Source: George J.J., Leidner D.E. From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism [5].

ском уровне. Во-вторых, иерархии отражают то, что субъекты на более высоких уровнях участия все еще действуют на более низких уровнях. Однако есть два основных различия. В отличие от концепции Л. Милбрата, иерархия цифрового активизма включает в себя как отдельных лиц, так и организации. Отдельные действия составляют организационные практики, и организации со временем меняются из-за постепенных изменений в индивидуальном поведении [6, 7]. Другим отличием между двумя иерархиями является традиционная точка зрения Л. Милбрата на политическую активность, которая фокусируется на усилиях по мере продвижения вверх в структуре, в то время как цифровой активизм зависит от цифровых коммуникаций.

Воздействия между двумя структурами также различны. Иерархия Л. Милбрата сопоставляет результативность действий с уровнями. Зрительские действия оказывают незначительное влияние, в то время как гладиаторские — наибольшее. В цифровой активности основные воздействия могут быть обнаружены на каждом уровне. Например, хакер, раскрыв конфиденциальную информацию с небольшими усилиями, способен создать значимый повод для гражданского возмущения, а распространение ретвитов о времени и месте демонстрации может мобилизовать миллионы участников протеста. Иерархия Л. Милбрата увеличивается с усилием, в то время как уровни иерархии цифрового активизма варьируются в зависимости от доступных цифровых ресурсов. Цифровые ресурсы включают доступность цифровых коммуникаций: мобильная связь, интернет, социальные сети, мессенджеры и технические навыки [8].

Иерархия цифрового активизма [9] состоит из трех групп, включающих десять видов активностей (рис. 3).

Цифровые зрительские действия осуществляют «зрители». Они формируют наибольший объем действий в цифровой активности, что привлекает большинство людей. К уровню зрителей относится большинство пользователей социальных сетей. Согласно исследованиям, в качестве зрителей в какой-то момент почти две трети пользователей социальных сетей участвовали в политике [10]. Цифровая зрительская деятельность включает кликтивизм, мета-голосование и утверждение.

Кликтивизм означает приятие информации, одобрение распространяемого контента на сайтах Интернета, в социальных сетях и мессенджерах. Для этого требуется мало усилий, достаточно доступа к цифровым коммуникациям. Кликтивизм считается одной из самых низких форм вовлечения, потому что он обязательный и безличный [11]. Однако на организационном и символическом уровне восприятия множество кликов и лайков могут придать действующему актору больше легитимности, валидности и авторитета [12].

Мета-голосование — это обмен, ретвит, репост и комментирование поста в социальной сети, созданного другим пользователем, своего рода «эхо-камера» Интернета [11]. Оно усиливает идеи, ценности и информацию через реакцию других. В отличие от кликтивизма, при мета-голосовании (как форме реакции на других) лайки и ретвиты могут привести к различным результатам и демонстрируют немного более высокую степень усилий и приверженности [13].

Цифровые переходные действия занимают промежуточное положение между действиями зрителей и гладиаторов. Они требуют больше ресурсов, чем действия зрителей, и, как правило, оказывают более сильное влияние, но не дотягивают до «гладиаторских боев». Примером переходной деятельности являются политический коньсюмеризм (покупка товаров по политическим мотивам), цифровые петиции (направление онлайн-обращений граждан к органам власти), боттивизм (создание виртуальных активистов для работы в социальных сетях) и электронное финансирование (внесение или сбор средств на кампанию).

Цифровые «гладиаторские» действия воплощают прямой акт влияния. Участники не стремятся воздействовать на изменения, они «делают» изменения. Одни из них являются частью организованных групп, другие — членами открытого сообщества. Традиционные гладиаторские действия имеют тенденцию сосредотачиваться на политических партиях и кандидате.

Хактивизм направлен на правительства, организации и отдельных лиц для достижения социальных или политических целей. Хакерство инициируется событием или политикой, ситуацией противоборства элит. Хактивисты

Рис. 3 / Fig. 3. Иерархия цифрового активизма / The hierarchy of digital activism

Источник / Source: George J.J., Leidner D.E. From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism [5].

делятся на три категории: кибертеррористы, гражданские и патриотические хакеры [14,15].

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Стратегия прикладного исследования носит гибридный характер, опирается на сочетание позитивистской и интерпретаторской традиций при реализации прикладных политических исследований. Данное сочетание обеспечивается комбинацией количественных и качественных методов, позволяющих исследовать ориентации, предпочтения, модели поведения в реальной и цифровой средах.

Эмпирическая модель исследования включает в себя следующие компоненты.

1. Массовый опрос в формате онлайн-анкетирования российской молодежи (1600 респондентов в возрасте от 15 до 29 лет, выборка репрезентативна по полу, возрасту, территориальной принадлежности).

2. Глубинное интервью с представителями молодежных общественных организаций РФ (30 информантов в возрасте от 15 до 29 лет из различных федеральных округов).

3. Социально-медийный анализ (SMA) информационных потоков гражданского акти-

визма. Инструмент: интернет-сервис автоматизированного мониторинга социальных медиа (IQBuzz) (1 млн аккумулированных сообщений, 30 наиболее популярных социальных медиа, глубина выгрузки — период с 01.01.2020 по 01.10.2020, язык русский, геолокация — Рунет).

4. Когнитивное картирование информационного потока, посвященного гражданскому активизму (530 сообщений, 12 релевантных онлайн-сообществ, механическая выборка, период — с 01.05.2020 по 01.07.2020).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ: РОЛЕВАЯ СТРУКТУРА РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ГРАЖДАНСКИМ ИНИЦИАТИВАМ

40% молодых россиян имеют высокий лидерский потенциал и опыт координации гражданских инициатив, т.е. они не просто объединяли свои усилия с другими гражданами, но и выступали в качестве драйверов реализации гражданской инициативы.

На основе кластерного анализа массива данных всероссийского массового опроса молодежи были выделены следующие группы респондентов: «акторы» (38,3%), «вовлечен-

ные» (23,4%), «кликтивисты» («зрители», 23,5%), «выключенные» (14,9%). Современные онлайн-форматы социальной активности масштабировали вовлеченность российской молодежи в гражданские практики. Вместе с «актерами», респонденты, также нацеленные на решение общих социальных задач, составляют более 60%.

«Акторы» — респонденты с лидерским потенциалом и опытом координации гражданских инициатив.

С точки зрения отношения к сложившемуся политическому порядку, респонденты с лидерским потенциалом и опытом координации гражданских инициатив дифференцируются на две противоположные группы: «актеры лояльные» (25,7%) и «актеры оппозиционные» (12,6%).

На основе кластерного анализа массива данных всероссийского массового опроса молодежи были выделены следующие группы респондентов: «актеры» (38,3%), «вовлеченные» (23,4%), «кликтивисты» («зрители», 23,5%), «выключенные» (14,9%).

«Акторы лояльные» предпочитают реализовывать свою активность в пространстве гражданских инициатив, при этом выражая предельно конструктивную (готовность к диалогу и партнерству) и конвенциональную (строго в рамках закона) позицию по отношению к действующей власти. Они ориентированы на ценности социального порядка, политической стабильности и устойчивого развития. Данный кластер наиболее чувствителен к теме реализации такого права, как «равенство всех перед законом и судом». При этом его представители характеризуются низким уровнем протестного потенциала и игнорированием несанкционированных массовых акций. В основном это молодые женщины 25–29 лет с высшим образованием из Уральского, Сибирского и Южного федеральных округов со снижающимся уровнем материального достатка. Это респонденты, которые руководствуются социальными

смыслами, прежде всего стремлением помочь другим людям.

«Акторы оппозиционные» — наиболее политизированная часть опрошенной молодежи России, которая вовлекает единомышленников преимущественно в экологические и политические проекты/акции. Это наиболее неконвенционально настроенная молодежь, готовая принять участие в несанкционированных акциях протеста как онлайн, так и офлайн. «Акторы оппозиционные» в наибольшей степени, чем другие кластеры», сфокусированы на таких правах, как «свобода мысли и свобода слова», «свобода массовой информации», «свобода и личная неприкосновенность», «неприкосновенность частной жизни», «свобода общественных объединений». Они в большей мере ориентированы на свободы и гораздо в меньшей — на обязанности граждан. В частности, они считают, что часть обязанностей гражданина РФ можно не исполнять (воинская служба, выплата налогов, забота об историческом наследии).

Их ценностные ориентиры довольно прагматичны и эгоистичны: «попасть в элиту общества» и «иметь много свободного времени». При довольно неплохом уровне материального достатка и оптимистических взглядах на финансовое будущее они чаще всего дают весьма низкие оценки состоянию дел в стране. Данный кластер молодежи представлен в основном молодыми мужчинами 20–24 лет со средним общим образованием из Приволжского и Северо-Западного федеральных округов.

«Вовлеченные» — готовы участвовать.

«Вовлеченные» имеют сходные черты как с первым, так и со вторым кластерами.

С «актерами лояльными» «вовлеченных» роднят конструктивность и готовность к конвенциональным форматам гражданской активности.

С «актерами оппозиционными» «вовлеченные» разделяют низкую оценку ситуации в стране, а также озабоченность проблемами коррупции и взяточничества.

Вместе с тем «вовлеченные» в большей степени ориентированы на гражданскую активность, чаще всего не готовы участвовать в политических проектах/акциях, нацелены на партнерскую модель взаимодействия власти и гражданского общества. «Вовлеченные» готовы участвовать в проектах по сохранению

культуры и развитию системы здравоохранения чаще, чем представители остальных кластеров. Триада политических ценностей важных для данного кластера: «равенство всех перед законом и судом», «свобода мысли и свобода слова», «свобода массовой информации», безусловно, приближает их к кластеру «акторов оппозиционных» и потенциально может быть основой для объединения усилий между их представителями. Но прагматизм, достигательные ценности (бизнес, высокий материальный статус) и большая нормативность стратегий «вовлеченных» снижают вероятность их объединения с «актерами оппозиционными» [15].

Как правило, «вовлеченные» — это молодые люди и девушки (поровну) моложе 20 лет из Северо-Кавказского, Северо-Западного и Приволжского федеральных регионов, получающие высшее образование и имеющие прагматические установки на построение собственного бизнеса и достижение положения богатого человека.

«Кликтивисты» («зрители») — миросоциалы, ориентированные на заботу о себе и своем ближайшем окружении, мало нацеленные на решение общих социальных задач.

«Кликтивисты» вдвое чаще проявляют готовность участвовать в гражданских инициативах онлайн, чем офлайн. В целом «зрители» ориентированы конструктивно, однако чаще других кластеров проявляют готовность откликнуться на социально-медийные призывы принять участие в гражданских акциях. Вместе с тем их обязательное условие — чтобы собрания были исключительно санкционированными. «Кликтивисты» ориентированы на популистские политические ценности: «счастье, мир, процветание». Среди политических прав наибольшее внимание «зрителей» сосредоточено на таких позициях, как «равенство всех перед законом и судом», «свобода мысли и свобода слова», «свобода массовой информации».

Данный кластер — это преимущественно девушки моложе 20 лет из Сибирского и Центрального федеральных округов, получающие высшее образование, со стабильным материальным положением, мечтающие о счастливой семье и материальном достатке.

«Выключенные» удовлетворены жизнью, игнорируют социально-медийные призывы.

Характерным свойством «выключенных» из гражданской активности российской молодежи является их удовлетворенность ситуацией в стране и в своей жизни, они оптимистичны в оценке положения дел в России и в своей семье. У «выключенных» более размыта артикуляция социальных проблем, чем у представителей остальных кластеров, их беспокоят проблемы бедности и коррупции. Больше остальных их также заботит состояние окружающей среды.

«Выключенные» фактически игнорируют социально-медийные призывы принять участие в протестных акциях, их не интересует гражданская и политическая повестка. Данный кластер представлен преимущественно молодыми женщинами 20–29 лет из Центрального, Северо-Кавказского и Сибирского федеральных округов, имеющими среднее общее и высшее образование (поровну), чья основная ценностная доминанта — семья.

Таким образом, авторы определили следующие зависимости:

- между ценностными профилями и типом гражданской активности. Конвенциональность и конструктивность «лояльных акторов» сопряжены с осознанием важности ценностей социального порядка, сохранения культуры, исторической памяти, взаимопомощи и порядочности;
- между ориентацией на конфликтную модель и отказом от выполнения гражданских обязанностей. У «оппозиционных акторов» приемлемый уровень конфликта при взаимодействии гражданского общества с государством коррелирует с дистанцированием от выполнения ряда гражданских обязанностей;
- между вовлеченностью в информационную повестку и вектором оценки. Внимание к проблемам коррупции, наблюдаемое у «вовлеченных» или потенциальных гражданских активистов, соотносится с выраженной негативной оценкой в отношении положения дел в стране;
- между преимущественно цифровой средой проявления интереса к проблематике гражданского активизма и «зрительским» форматом поведения у *кликтивистской части* молодых россиян;
- между предельной микросоциальностью, социальной атомизированностью и предельным дистанцированием от любой граждан-

ской активности у группы «выключенных» молодых россиян.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Авторами выделены следующие факторы формирования неконвенциональных установок гражданского активизма.

У лидеров и активистов общественных организаций:

- прагматизм и материальная выгода;
 - правовой нигилизм и пренебрежительное отношение к законам страны;
 - восприятие протестных акций как наиболее эффективного метода привлечения внимания к проблеме/объединению/персоне.
- У рядовых членов и сторонников общественных организаций:
- относительная депривация — высокий уровень неудовлетворенности положением дел в стране;
 - недоверие к органам власти;
 - давление внешних и внутренних социально-медийных потоков протестного содержания;
 - вовлеченность в реализацию экологических проектов.

Определены особенности цифровой инфраструктуры гражданского активизма:

- среди цифровых сообществ гражданского активизма наиболее влиятельными являются онлайн-сетевые группы экологической направленности (например, «Экология. Защита природы. Защита животных», «Экология России») и правозащитные сообщества (например, «Права человека»);
- такие онлайн-сетевые группы характеризует большой объем участников (подписчиков), значительная представленность микролидеров и топикстартеров с аудиторией более 100 человек;
- подобным онлайн-сетевым группам свойственны достаточно высокие показатели пользовательского резонанса в отношении публикуемого контента, использование интуитивных технологий воздействия на поведенческие установки сторонников;
- цифровые группы данной направленности наиболее эффективны в преобразовании гражданской активности в политический активизм.

Определены события-триггеры роста протестного потенциала в молодежной среде:

- события, причины и последствия которых конструируются инфлюенсерами цифровой среды с позиций критики действующей власти и ее решений (усиление ограничительных мер в связи с пандемией COVID-19, обсуждение возможностей внесения поправок в Конституцию (критике подлежала невозможность проголосовать по отдельным пунктам), арест бывшего губернатора Хабаровского края и др.);

- события-прецеденты, демонстрирующие примеры гражданской консолидации и массового протеста в условиях электоральных кампаний и транзита власти (например, часть протестно настроенной молодежи выражает референтность и лояльность в отношении протестного движения в Республике Беларусь);

- события, связанные с резонансным нарушением гражданских/политических прав: общим знаменателем для «лояльных» и «оппозиционных» гражданских активистов является чувствительность к теме реализации такого права, как «равенство всех перед законом и судом», поэтому в предстоящие электоральные циклы (2021, 2024 гг.) возможна протестная мобилизация вокруг данной темы, т.е. событием-триггером, способным на время консолидировать позиции «лояльных» и «оппозиционных» акторов, может стать подобное «делу Голунова».

Таким образом, учитывая все вышесказанное, можно предположить, что:

- первыми на протестную мобилизацию откликнутся «оппозиционные» акторы; с одной стороны, их доля невелика (12,6%), но даже вне процесса активной мобилизации представители данного кластера демонстрируют черты, присущие прекариату (потенциально опасному классу), среди которых: деструктивность, неконвенциональность, эгоцентричность;

- активность и опыт по координации гражданских инициатив «лидеров-критиков» потенциально могут на время притянуть к ним «лояльных акторов» и часть «вовлеченных» молодых россиян;

- учитывая конструктивность и неконвенциональность установок большинства представителей кластеров «акторов лояльных» и «вовлеченных», можно сказать, что такие массовые протесты будут иметь мир-

ный и затяжной характер (как в Хабаровске или Республике Беларусь летом-осенью 2020 г.);

• на фоне «мирного» протеста осложняется противодействие радикальным деструктивным действиям, в информационном ос-

вещении радикалы мимикрируют под конвенционалов;

• в зоне риска включения в протестную мобилизацию также находятся «кликтивисты», ведомые и легко вовлекаемые «актерами оппозиционными» и/или «вовлеченными».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Расторгуев С.В. Экстремизм в молодежной среде современной России: Виды, факторы распространения, мягкие технологии профилактики. *Политическая наука*. 2018;(4):124–145.
Rastorguev S.V. Extremism among the youth of modern Russia: Types, factors of propagation, soft technologies of prevention. *Political science (RU)*. 2018;(4):124–145. (In Russ.).
2. Milbrath L. W. Political participation: How and why do people get involved in politics? Chicago: Rand McNally; 1965.
3. Milbrath L. W. Political participation. In: *The handbook of political behavior*. S. L. Long, ed. Boston, MA: Springer; 1981:197–240.
4. Bimber B. The study of information technology and civic engagement. *Political Communication*. 2000;17(4):329–333.
5. George J. J., Leidner D. E. From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism. *Information and Organization*. 2019;29(3):100–249.
6. Шатилов А. Б. «Поколенческие разрывы» как фактор роста конфликтности в современном российском обществе. *Власть*. 2019;27(4):26–32.
Shatilov A. B. Generational gaps as a factor of increasing conflicts in modern Russian society. *Vlast*. 2019;27(4): 26–32. (In Russ.).
7. Orlikowski W. J. Knowing in practice: Enacting a collective capability in distributed organizing. *Organization Science*. 2002;13(3):249.
8. Selander L., Jarvenpaa S. L. Digital action repertoires and transforming a social movement organization. *MIS Quarterly*. 2016;40(2):331–352.
9. Vaast E., Safadi H., Lapointe L., Negoita B. Social media affordances for connective action — an examination of microblogging use during the Gulf of Mexico oil spill. *MIS Quarterly*. 2017;41(4):1179–1205.
10. Majchrzak A., Faraj S., Kane G. C., Azad B. The contradictory influence of social media affordances on online communal knowledge sharing. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2013;19(1):38–55.
11. Baym N. K. Data not seen: The uses and shortcomings of social media metrics. *First Monday*. 2013;18(10). URL: <https://doi.org/10.5210/fm.v18i10.4873>.
12. Kane G. C., Johnson J., Majchrzak A. Emergent life cycle: The tension between knowledge change and knowledge retention in open online coproduction communities. *Management Science*. 2014;60(12):3026–3048.
13. Dahan M. Hacking for the homeland: Patriotic hackers versus hacktivists. International conference on information warfare and security. United Kingdom: Academic Conferences International Limited; 2013.
14. Johnson P., Robinson P. Civic hackathons: Innovation, procurement, or civic engagement? *Review of Policy Research*. 2014;31(4):349–357.
15. Титов В. В. Стратегии социального протеста молодежи в Рунете: сравнительный анализ поколений Y и Z. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;(3):139–158.
Titov V. V. Strategies of Youth Social Protest on the Russian Internet (RuNet): a Comparative Analysis of Generations Y and Z. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2020;(3):139–158. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Викторовна Бродовская — доктор политических наук, профессор Департамента политологии, Финансовый университет; заведующая кафедрой социально-политических исследований и технологий Института истории и политики, главный научный сотрудник Института перспективных исследований Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия brodovskaya@inbox.ru

Роман Васильевич Пырма — кандидат политических наук, доцент Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
pyrma@mail.ru

Анна Юрьевна Домбровская — доктор социологических наук, профессор Департамента политологии, Финансовый университет; доцент кафедры социально-политических исследований и технологий Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия
an-doc@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Brodovskaya — Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Sciences, Financial University; Head of the Department of Social and Political Research and Technologies, Institute for History and Politics, Chief Researcher, Institute of Advanced Study, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
brodovskaya@inbox.ru

Roman V. Pyрма — Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
pyrma@mail.ru

Anna Yu. Dombrovskaya — Doctor of Social Sciences, Professor, Department of Political Sciences, Financial University; Associate Professor, Department of Social and Political Research and Technologies, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
an-doc@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Бродовская Е. В. — общее научное руководство исследованием, разработка методологических и методических основ эмпирического анализа, интерпретация результатов, формулировка общих выводов.

Пырма Р. В. — разработка теоретической основы исследования, организация сбора и анализа эмпирических данных, обзор научных публикаций по теме статьи.

Домбровская А. Ю. — координация процесса сбора эмпирических данных, создание объяснительных моделей эмпирических фактов исследования, подготовка разделов статьи, описывающих дизайн и результаты исследования.

Authors' declared contribution:

Brodovskaya E. V. — general scientific management of research, development of methodological and methodological foundations of empirical analysis, interpretation of results, formulation of general conclusions.

Pyрма R. V. — development of a theoretical basis for research, organization of collection and analysis of empirical data, review of scientific publications on the topic of the article.

Dombrovskaya A. Yu. — coordinating the process of collecting empirical data, creating explanatory models of empirical research facts, preparing sections of the article describing the design and research results.

Статья поступила 10.10.2020; принята к публикации 05.11.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.10.2020; accepted for publication on 05.11.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.